

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur : Pierre STRUVE

Редакторъ : К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur : Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél. : Gobellins 65-95, 12-86

Присыла въ редакцію ежедневно отъ 4-6 ч. в.
Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

№ 33

Суббота, 13 іюля 1929 года

№ 33

Памяти А. П. Чехова

Къ 25-лѣтію его кончины († 2/15 іюля 1904 г.)

Чеховъ

Чеховъ — огромное явление русской литературы. Но онъ больше, чѣмъ литературное явление. Онъ — огромное явление русской жизни. Онъ — частичка биогрaфии каждаго изъ насъ. Любя чеховъ, страда чеховымъ, иногда пытаешься чеховымъ, мы выходимъ изъ круга литературныхъ переживаній, мы расто живемъ. Чеховъ еще не ушелъ въ исторію, онъ еще нашъ современникъ. Когда мы говоримъ и споримъ о чеховѣ, мы не просто занимаемся «литературной критикой». Мы одновременно «на чеховѣ» осознаемъ себя, говоримъ и споримъ о себѣ. Усть раньше намъ казалось, что Чеховъ ведетъ насъ впередъ, пусть намъ сейчасъ иногда кажется, что Чеховъ идетъ назадъ, пусть кореннымъ образомъ измѣнилось у многихъ отношеніе къ Чехову: онъ остался до сих поръ общественнымъ явленіемъ.

Въ Чеховѣ воплотилось русское общество предвѣднѣйшей эпохи Россійской имперіи. То была переходная эпоха, ушли прежній бытъ, создавался новый. Въ одномъ письмѣ къ Суворину Чеховъ ставитъ литературную задачу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была первою задачей общественности. Напишите-ка разсказъ о томъ, писатель Суворину, какъ молодой человекъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, дворянъ, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи «повскихъ» рукъ, поклоненіи чуждымъ богамъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ съѣхавшій по урокамъ безъ калошъ, драчливый, мучившій животныхъ, любившій обдѣлать у богатыхъ родственниковъ, лицемерившій и Богу и людямъ, безъ всякой надобности, только изъ озананія своего ничтожества — напишите, какъ этотъ молодой человекъ вылакиваетъ изъ себя по каплямъ пламя и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая.

Преображеніе бывшаго раба, объекта хозяйскаго и начальственнаго поведенія, въ субъекта правъ, въ полноправнаго члена пражланскаго общества; превращеніе «обывателя» и «подданнаго» въ «гражданина», въ человѣка, проникнутаго чувствомъ собственного достоинства, цѣнящаго и уважающаго свободу, свою и чужую, цѣнящаго и уважающаго права, свои и чужія, — это, дѣйствительно, была основная задача, стоявшая передъ Россіей, задача «демократическаго обновленія», сказали бы мы, если бы слово

«демократія» не было такъ захватано партійными руками.

Что мѣшало русской интеллигенціи въ осуществленіи этой грандіозной задачи? Прежде всего, узость, идейная беспочвенность, вѣрнѣе, даже духовная пустота ея общественнаго идеала. Русская интеллигенція абсолютизировала вещи принципиально относительныя. Она вѣровала, какъ вѣрять въ Бога, въ «конституцію», во «всеобщее избирательное право», въ «пропорциональную систему выборовъ», въ «мелкую земскую единицу». Глѣбъ Успенскій, боготворившій красоту Венеры Милосской и посвятившій ей вдохновенныя строки, не смѣлъ, будучи въ Парижѣ, идти въ Лувръ. Съ надрывомъ въ душѣ онъ идетъ въ русскую бібліотеку и упивается чтеніемъ сообщеній о русскихъ неурожаяхъ и градобитіяхъ! Писаревское «саногі» выше Пушкина» преобразуется въ «неурожай выше Венеры Милосской!»

Если бы подобное служеніе общественному идеалу давало интеллигенціи удовлетвореніе! Нѣтъ. То служеніе ему, которое было ей доступно, воспринималось какъ нелѣпая, обидная растрата силъ на мелкія цѣли и задачи. Русская интеллигенція томилась въ рамкахъ окружающаго ее быта. Она тосковала по новому, но не находила въ себѣ внутреннихъ силъ, внутреннею равновѣсія для увѣренной, лишенной надрывной тоски, работы по построению быта новаго.

Чеховъ далъ въ своемъ творчествѣ замѣчательное художественное изображеніе того, какъ живетъ и страдаетъ эта русская интеллигенція. Онъ не могъ раздѣлять ея ущербленнаго міровоззрѣнія, но онъ неспособенъ былъ и возвыситься надъ нимъ. Онъ пытался стать какъ бы внѣ его, пытался объективировать его, какъ незаинтересованный художникъ — свидѣтель. Онъ, повторимъ, не подымался надъ изображаемымъ имъ міромъ русской интеллигенціи, а оставался гдѣ-то рядомъ, въ той же плоскости. Онъ не раздѣляетъ заблужденій своихъ героевъ, но сочувствуетъ имъ. Онъ понимаетъ, что нельзя вѣрять въ то, во что они вѣруютъ, но онъ не отрицаетъ ихъ вѣрованій, опираясь на свою вѣру въ какія либо другія цѣнности. Съ любовной сострадателностью и ласковой насмѣшливостью извѣрившагося старшаго брата, рассказываетъ онъ о томъ, какъ они живутъ и страдаютъ. Его герои остаются не отдѣленными отъ него частями его души. Изображенія ихъ не есть — вопреки его замыслу, — изображеніе «объективного» (для объективнаго изображенія нужно

Могила А. П. Чехова на Новодѣвичьемъ кладбищѣ въ Москвѣ.

возвыситься надъ изображаемымъ предметомъ!), а сочувственная стилизація. Россія Чехова не есть просто Россія. Это — чеховская Россія. Какъ изображеніе Чеховской Россіи, творчество Чехова и сохраняеть жгучесть общественнаго явления.

Мы Чехова любимъ, какъ великаго русскаго писателя, но до сих поръ мы защищаемъ Чехова или боремся съ Чеховымъ и какъ съ общественнымъ явленіемъ. Поскольку русская интеллигенція вырабатываетъ и строитъ положительное міровоззрѣніе, она должна преодолѣть Чехова, этого, какъ справедливо замѣчаетъ сегодня П. Б. Струве и какъ это признавалъ о себѣ самъ Чеховъ, писателя безъ міровоззрѣнія. Чеховъ освободился отъ многихъ интеллигентскихъ предрасудковъ, но онъ не приобрѣлъ твердаго и яснаго, преодолевающаго русскія интеллигентскія настроенія, міровоззрѣнія. Онъ жилъ своимъ удивительнымъ, непогрѣшимымъ художественнымъ и моральнымъ инстинктомъ.

Чеховъ не только общественное явление, а и огромный литературный фактъ. Его изображеніе русской об-

щественности есть первоклассная литература. Однако, Чеховъ, какъ писатель, шире и выше своего замѣчательнаго бытописанія русской интеллигенціи. Когда онъ работалъ надъ «Степью», этимъ, быть можетъ, лучшимъ своимъ произведеніемъ, онъ писалъ Григоровичу и Плещееву, что около него «пахло лѣтомъ и степью». Этотъ ароматъ лѣта и степи, исходящій отъ нѣкоторыхъ его произведеній, неуловимъ. Въ Чеховѣ есть не только «Чеховская Россія», но и просто Россія, изображенная однимъ изъ величайшихъ русскихъ писателей. Чеховъ однажды писалъ Григоровичу, какъ извѣстно, благословившему своей старческой рукой Чехова на его писательскій подвигъ: «Я глубоко убѣжденъ, что пока на Руси существуютъ лѣса, овраги, лѣтнія ночи, пока еще кричатъ кулики и плачутъ чибисы, не забудутъ Вася, Тургеневъ и Толстой, какъ не забудутъ Гоголя. Вымрутъ и забудутся люди, которыхъ вы изображали, но вы останетесь цѣлы и невредимы. Такова ваша сила, таково значить и счастье».

Эти прекрасныя слова съ полнымъ правомъ могутъ быть обращены къ Чехову.

Чеховскій домъ въ Гурзуфѣ

(видѣется справа у самыхъ скалъ).

См. на стр. 4-5 воспоминанія К. А. Коровина.